

Словообразовательные возможности категории оценки современного русского языка (на примере структурных слов)

*Любовь Летючая и Олеся Скляренко**

Abstract: *This article is a study into the ability and inability of structure words – namely prepositions, conjunctions, particles, interjections, parenthetical words, pronouns, numerals and linking verbs – to form evaluative derivatives. Although it is a verified fact that the category can be represented derivationally, most research works explore the category of evaluation from the axiological point of view and on a lexical level. Other studies in this field focus on the issue rather fragmentarily. This explains the topicality of our research. As there is no commonly used term to describe the derivative meaning of evaluation (in contrast to axiological evaluation in lexicology), we face the necessity of using the term “evaluation unit” (i.e. to characterize and appraise a subject’s merit). In this research an “evaluative unit” comprises all derivational lexemes labelled in the explanatory dictionaries as “diminutive”, “hypocoristic”, “augmentative”, “intensive”, or “softening” as well as those which label different emotional shades and parametric features. The presented article attempts to analyse derivative and evaluative semantics of structure words exemplified by various available lexicographical sources and texts. The findings of the study show the ability and inability of structure words to form evaluative derivatives; they allow us to classify the studied derivatives; they examine the methods of their derivation; and they determine characteristics of the affixes which were used for the analysis of motivation units.*

Key words: *derivation evaluation category, structure words, development method, evaluative unit, emotive unit, expressive unit, intensive unit, qualitative unit.*

* Доцент, Любовь Летючая, кандидат филологических наук, Кафедра иностранной филологии и методики обучения, ГВУЗ «Переяслав-Хмельницкий государственный педагогический университет имени Григория Сковороды», letinna@ukr.net, доцент, Олеся Скляренко, кандидат филологических наук, Кафедра иностранной филологии и методики обучения, ГВУЗ «Переяслав-Хмельницкий государственный педагогический университет имени Григория Сковороды», lesiaskliarenko82@gmail.com.

1. Введение

В русском языкознании категория оценки рассматривалась в основном лексикологами в плане изучения коннотативного значения слова (Е. М. Вольф “Оценочные значения и соотношение признаков ‘хорошо/плохо’”, В. И. Говердовский “Опыт функционально-типологического описания коннотаций”, И. И. Красюк “Структура и семантика отрицательно-эмотивной лексики”, Н. А. Лисицына “Лексико-семантическая группа социально-оценочных прилагательных в современном русском языке”, Л. А. Сергеева “Качественные прилагательные со значением оценки в современном русском языке”, В. Н. Телия “Коннотативный аспект семантики номинативных единиц”, С. Г. Шейдаева “Категория субъективной оценки в русском языке”, Г. А. Якубова “Лексико-семантическое поле ‘оценки’ в русской разговорной речи” и др.

Большинство этих работ посвящено категории оценки с точки зрения аксиологии и ее изучению на лексическом уровне. Параллельно подтверждался факт возможности и деривационной репрезентации категории оценки, но исследования в этой области были фрагментарными.

В дериватологии же, а до ее выделения в самостоятельную науку в языкознании вообще, оценка традиционно ассоциировалась с аффиксами, имеющими размерно-оценочное значение. В настоящее время *“специфика проявления категории оценки на словообразовательном уровне до сих пор остается недостаточно исследованной проблемой”* (Космеда 2000, 249).

Начало изучения оценочных образований представлено уже в первой русской научной грамматике – “Российской грамматике” М. В. Ломоносова, где впервые описываются имена существительные и прилагательные, имеющие уменьшительные и увеличительные суффиксы.

Значительное количество исследований, посвященных оценочным образованиям и направленных на решение вопросов лексической, деривационной семантики и определение языкового статуса этих производных, свидетельствует об актуальности данной проблемы.

Цель настоящего исследования – проанализировать с точки зрения наличия деривационной оценочной семантики слова, которые определяются как структурные. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- а) способность/неспособность структурных слов (местоимений, числительных, предлогов, союзов, частиц, междометий, вводных слов и др.) создавать оценочные дериваты;
- б) классифицировать оценочные дериваты с указанием их способов производства;
- в) указать аффиксы, используемые при создании анализируемых мотивантов.

При исследовании оценочных дериватов в работе использовался и слово-, и текстоцентрический подход и применялись лингвистические методы: описательный для характеристики синхронных явлений языка, в частности, такой

прием описательного метода как внешняя интерпретация в разновидности приема “слов и вещей”, т. е. оценочные дериваты изучались “*в тесной связи с реальей, которую слово называет и обозначает*” (Иванова 1995, 12). Это вызвало необходимость применения дистрибутивного анализа, предполагающего изучение окружения исследуемых единиц.

В научных трудах, посвященных описанию оценочных производных, обычно исследуются имена существительные, прилагательные, редко – наречия; практически не исследовались глаголы и структурные слова, хотя анализ фактического материала свидетельствует об их наличии в языке. Научная новизна данного исследования состоит в том, что впервые исследуется деривационная репрезентация категории оценки в структурных словах, допускающих образование оценочных дериватов. Впервые противопоставляются экспрессивы, эмотивы, что позволяет уточнить функцию аффиксов, используемых в их образовании.

Поскольку предполагается и слово- и текстоцентрический анализ языковых единиц со словообразовательной оценочной семантикой, источником фактического материала являются различные лексикографические издания и тексты.

В данном исследовании к разряду эвалюативов (от англ. evaluation ‘оценка’, термин наш – Л.Л.) относятся все производные лексемы, сопровождаемые в толковых словарях пометами “уменьшительное”, “уменьшительно-ласкательное”, “увеличительное”, “усилительное”, “смягчительное”, а также обозначающие различные оттенки эмоций в сочетании с параметрическими признаками.

2. Изложение Основного Материала

Не включаясь в дискуссию по поводу отнесенности некоторых языковых единиц к знаменательным или незнаменательным, в плане определения структурных слов мы ссылаемся на “Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы” под редакцией В. В. Морковкина (Морковкин 2003, 421).

Вслед за авторами словаря, В. В. Морковкиным, Н. М. Луцкой и Г. Ф. Богачевой, под структурными мы понимаем слова, “*которые формируют реляционную, синтаксическую и модальную структуру текста. Большинство структурных слов характеризуются отсутствием знаменательности или ослабленной (вырожденной) знаменательностью. Ядро категории структурных слов составляют служебные слова (предлоги, союзы, частицы). Кроме них к структурным словам отнесены междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные и полусвязочные глаголы и связки*” (Морковкин 2003, 6). Все эти лексемы объединяются тем, что “*отражают область основных языковых и внеязыковых отношений, в том числе синтаксических (предлоги, союзы, связочные и полусвязочные глаголы, связки), модальных (частицы, вводные слова), указательных (местоимения, некоторые частицы), количественных (числительные), эмоциональных, эмоциональ-*

но-волевых и этикетных (междометия)” (Морковкин 2003, 7). Мы оставляем за собой право в работе использовать понятие и термин модальные слова, а не вводные, поскольку традиционно выделяется класс модальных слов, которые выполняют в предложении функцию вводных слов.

В научной литературе, посвященной описанию оценочных производных, структурные слова практически не исследовались, хотя анализ фактического материала свидетельствует об их наличии в языке. В “Русской грамматике” (1980) вопросу экспрессивного суффиксального образования частиц, междометий и изолированных форм изменяемых слов посвящен небольшой параграф (Русская грамматика 1980, 413).

Нами не установлены оценочные денумеративы, образованные от определенно-количественных и собирательных числительных, производные с оценочной семантикой, мотивированные союзами, предлогами, модальными словами и связочными глаголами.

2.1. Место междометий русского языка в плане порождения оценочных дериватов

Среди структурных слов особое место в процессе деривации субъективно-оценочных производных занимают междометия – “класс неизменяемых слов, служащих для нерасчлененного выражения эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность” (Ярцева 1990, 269). В соответствии с объектом номинации междометия “обслуживают три семантических сферы речи: эмоций и эмоциональных оценок, волеизъявлений, этикета” (Ярцева 1990, 269).

Многие из междометий, непосредственно передающие чувства говорящего, по происхождению первичны, то есть ничем не мотивированы и непроизводны: а, ай, ах, ух, о, ого, э, эге и др. В силу их звукобуквенной минимизации и отсутствия внутренней формы такие междометия склонны к полисемии. Конкретное значение таких слов актуализируется в контексте, а в изолированном положении выявляется прежде всего невербальными средствами, например, с помощью интонации. Однако независимо от характера демонстрируемой эмоции, степень ее проявления может выражаться деривационными средствами, в частности с помощью графического словообразования, или графикации, при которой “деформация звуковой оболочки (при сохранении ее в то же время) приводит к сочетанию смыслов” (Изотов 1998, 77). Так, дефинируя междометие а, А. Г. Балакай в “Словаре русского речевого этикета” отмечает, что это междометие “употребляется перед обращением для выражения радости, радушия при встрече, появлении, узнавании родственника, приятеля, знакомого, равного или низшего по положению. – А, милый князь, нет приятнее гостя, сказал Билибин, выходя навстречу князю Андрею. Л. Толстой. Война и мир. ... А-а-а! Андрей Ильич! Наконец-то вы к нам пожаловали! А. Куприн. Молох” (Балакай 2007, 21). Фиксируется его разговорный характер и то, что оно “произносится с разной степенью длительности” (Балакай 2007, 21). Графически разная степень длительности выражается формами а, а-а-а. Совершенно очевидно, что в

данном случае речь идет не о длительности звука (долготе звука) в возможных вариантах ее понимания (длительность абсолютная, связанная с темпом речи; длительность относительная фонетического типа, связанная с фонетическими условиями произношения звуков и не меняющая значения слова; длительность относительная фонологического типа, изменение которой меняет значение слова, например, в немецком языке, но фонологический тип длительности русскому языку не свойственен), а об особой морфофонологической трансформации производящей основы, не приводящей к транспозиции мотиватора и не изменяющей его лексического значения, но приносящей в семантическую структуру признак ‘степень интенсивности’, что позволяет рассматривать подобные образования как интенсивы, полученные в результате лексической модификационной деривации. Подтверждением того, что имеет место особый формант с деривационным значением ‘усиление основного свойства того, что названо производящей основой’, является факт, что именно “разная степень длительности” будет демонстрировать интенсификацию самых различных эмоций, выражаемых тем же междометием: удивления (*А! Так вот кто съел сметану! – А-а! Так вот кто съел сметану!*), безразличия (*А! Мне все равно! – А-а! Мне все равно!*), злорадство (*А! Попался! – А-а! Попался!*), каждая из которых, конечно, передается интонационно (ср. *бр!* и *бр-р-р!*., выражающие чувство (ощущение) холода или физической неприязни, *фи!* и *фи-и-и!*, выражающие презрение, и др.). Важность фактора морфофонологической оформленности междометия подтверждается тем, что, например, в “Объяснительном словаре” В. Морковкина в словарной статье к междометию *а*, в которой описываются шесть ЛСВ этого слова, каждая семема сопровождается указанием долготы произнесения слова в этом значении, например: 1.0. Восклицание, к-рое употр. для выражения узнавания (*может произноситься протяжно* (выделено нами), что на письме передается “а-а!” или “а-а-а!”). *Кто там? – Да я это, открой. – А, Лёня! Входи.* 1.1. Восклицание, к-рое употр. для выражения радости, удовольствия при виде кого-чего-л. (*обычно произноситься* (выделено нами) *протяжно*, что на письме передается “а-а!” или “а-а-а!”). *А-а! Леонид Павлович! Как хорошо, что я вас встретил. А, сегодня, я гляжу, у нас на обед блины!* «...» 5.0. Восклицание, которое употр. для выражения недовольства, досады, обреченности (*обычно произноситься отрывисто* (выделено нами)). *Папа, пойдём завтра в цирк. – А, не до цирка мне!* 6.0. Крик раскаяния, отчаяния, ужаса, сильного испуга, боли (*произноситься протяжно, иногда повторно*).

Важно, на наш взгляд, не путать графический способ словообразования с редупликацией, поскольку в этом случае семантический признак ‘степень интенсивности’ достигается обычным повтором производящей основы: *Хватит этого марочного ух-ух-какого испанского вина!* (Нов. мир 2003, №10, 17). Редупликация междометия усиливает семантику слова какой и определяет дериват как собственно эвалюатив. *Ух-ух-какое и очень хорошее.*

Многие междометия по происхождению являются знаменательными частями речи. Транспозиции подвергались и уменьшительно-ласкательные формы, например: *Батюшки! Матушки!* В данной статье подобные меж-

дометия не рассматриваются, так как они содержат остаточную эвалюативность.

Слово *мамочки!* можно квалифицировать как междометный эмотивный дериват, поскольку в значении междометия, во-первых, используется сочетание *Мама дорогая*, которое “выражает изумление, удивление, испуг” (Балакай 2007, 518), во-вторых, в речи употребляется и форма ед. ч. *мамочка!*: *Катя Шумская тихо причитала: “Ой, мамочки! О! Мамочка!”* (Нов. мир 2003, №3,120), что свидетельствует о допустимости в пределах данной части речи словообразовательного процесса, сопряженного с выражением оценки.

В рассмотренном примере регулярный для субстантивных эвалюативов суффикс *-очк-* передает не позитивное отношение к тому, что названо производящей основой, а усиление эмоции, которая выражена междометием, и в этом специфика эвалюативного суффикса междометий.

Как правило, эмоциональные междометия передают определенную оценку говорящим того или иного факта действительности, например: *Свадьбы играть мы с ней не стали... Отметили с моим корешком, с женой его, с тестем, ну и ладушки* (Нов. мир 2003, №3, 17); *“Вот и ладушки”*, – с облегчением улыбнулся дядя Коля (А. Маринина. Украденный сон). Дериват *ладушки*, производный от слова *ладно*, выражающего чувства удовлетворения (первый пример) и облегчения (второй пример), можно квалифицировать как эмотив с гипокористической семантикой. Аксиологическое значение слова представляет событие как хорошее, что синтагматически усиливается посредством в первом случае частиц *ну и*, во втором – *вот и*, а суффикс *-ушк-* с деривационным значением ласкательности передает, какие эмоции испытывает говорящий по этому поводу. Являясь по происхождению наречием, слово *ладно* образует эвалюативное производное, образованное с помощью суффикса *-еньк-* (ср. *ну и ладненько*) с гипокористической же семантикой. Частеречная отнесенность гибридного слова *ладно* определяется в контексте. “Объяснительный словарь” фиксирует только частицу *ладно*, мы же, рассматривая его как междометие, исходим из семантики слова и из того, что оно входит в состав синтаксически не членимого, так называемого, междометного предложения. Кроме того, без изменения содержания высказывания возможна синонимическая замена: *“Вот и слава богу, – с облегчением...”*.

Аксиологическое значение междометия может не только актуализироваться с помощью эвалюативного суффикса, но и корректироваться: *Когда наступила полночь, отец выходит из могилы и говорит: “Фуфоньки, фуфоньки!”* (Русские народные сказки). Согласно “Объяснительному словарю...”, в данном контексте мотивирующее междометие *фу* имеет значение “1.0. Восклицание, которое употребляется для выражения резко отрицательного отношения к кому-чему-л. (презрения, досады, отвращения и т.п.)” (Морковкин 2003, 365). Субъективно-оценочный суффикс *-оньк-*, на наш взгляд, смягчает отрицательное значение производящего, то есть дериват квалифицируется как интенсив в разновидности квалитатив.

Характерным для междометий словообразовательным средством передачи усиления эмоций является создание сложных слов. Членами сложения являются сходные по эмоциональной окраске слова: *Господи-батюшки!.. Да ты что это, Павел? Ты с чего это взял-то?* (В. Шукшин. Живет такой парень) – междометие выражает крайнюю степень удивления; *Мать заплакала, запричитала. – Господи-батюшки, отец небесный, услышал ты мои молитвы, долетели они до тебя...* (В. Шукшин. Ваш сын и брат) – дериват выражает крайнюю степень удовлетворения. Очевидно, что, независимо от передаваемой эмоции, сложение компонентов приводит к усилению этой эмоции, что позволяет квалифицировать такие дериваты как интенсивы (квалитативы).

Эмоциональные междометия не имеют никакой денотации и являются выразителями только эмоционального и стилевого значения. Данные лексеммы выражают различные чувства, то есть, способны сообщать о том, что говорящий испытывает в момент речи то или иное чувство. Это же можно сказать и об эвалюативных производных от данного разряда слов. Лексикографические издания последовательно определяют такие дериваты пометами *прост., разг., обл.* Подтверждением ограничения сферы употребления являюща примеры использования подобного рода слов в разговорной речи, в художественной литературе (чаще в диалогах), в фольклоре.

Императивные междометия менее продуктивны в создании эмотивных дериватов. Отдельные образования возможны от слов, служащих для общения с животными: *цып-цып-цыпаньки, кис-кис-кисаньки: Кисаньки... кисаньки! Манюнечки мои!* (А. Чехов. Надлежащие меры). В этом случае в слове кисаньки при помоси суффикса *-аньк* актуализирующа гипокористическое значение, эксплицированное в тексте субстантивным эвалюативом (*манюнечки*). Такое производное квалифицируется как эмотив. Нами зафиксированы только междометия, служащие для призыва животных и птиц, а слова, с помощью которых их прогоняют или понукают, эвалюативных дериватов не имеют.

На то, что это междометие, а не звательная форма существительного, указывает суффикс *-аньк-*, поскольку существительное образуется с помощью суффикса *-оньк-*: *кисонька* (Тихонов 1985, 431).

Некоторые эвалюативные дериваты совмещают побуждение и эмоциональное значение, и их можно расценивать как конативно-эмоциональные междометия: *Баю-баюшки-баю, а я песенку пою* (А. П. Чехов. Спать хочется); – *Баю-баюшки-баю, – мурлычет она, – тебе каши наварю...* (Там же). “Объяснительный словарь...” это междометие не фиксирует, но оно описано в БС: “Употр. при укачивании ребенка как припев колыбельной песни” (Кузнецов 2003, 63). Никаких помет нет, но наличие в этом сложении структурного компонента с суффиксом *-юшк-*, который апплицируется на производящую основу, свидетельствует об эмоциональной окраске деривата. В данном случае повтор корня усиливает императивное значение междометия, поэтому дериват можно рассматривать лишь как эмотив.

Но конативно-эмоциональные междометия могут производить и собственно эвалюативы, например, *браво – брависсимо*. Однако в данном кон-

кретном примере оба слова почерпнуты из итальянского языка (ср. нареч. *пиано – пианиссимо, форте – фортиссимо*), и заимствованный аффикс *-иссимо* не сочетается с исконными корнями, что не позволяет говорить о его продуктивности и регулярности процесса использования специальных морфов для передачи значения интенсификации признака и эмотивности.

В то же время у продуктивных суффиксов может развиваться подобная семантика при условии наличия параметрического признака в семантической структуре мотиватора, например: – *Минуточку, а кто оставил следы обуви на ковре – человек или животное?* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки). Дефиниция слова минута в “Словаре русского речевого этикета”: “*Минута. Одну минуту (минутку, минуточку). Единую минуту (минуточку). Устар. Минуту. Минутку. Минуточку. Разг., только в устной речи. Формы выражения просьбы немного (выделено нами) подождать*” (Балакай 2007, 274) не позволяет рассматривать словоформы *минуту, минуточку, минуточку* как междометия. Приведенный же нами контекст иллюстрирует употребление лексемы *минуточку* в этом качестве, что подтверждается возможностью синонимической замены ее коннотативно-эмоциональным междометием *эй* с той же семантикой. На то, что слово *минуточку* используется не только для того, чтобы привлечь внимание, но и для выражения определенных эмоций может указывать «сигнализатор», например: *Минуточку, – возмущена Ирина. – Что это ты тут раскомандовалась?* (Нов. мир 2002, №11, 84). Таким образом, дериват, являясь вторичным эвалюативом (*минуту → минутку → минуточку*), имеет семы ‘волеизъявление’ и ‘возмущение’, а суффикс *-к-* эксплицирует не только эмотивную семантику, но и степень проявления эмоции, что позволяет отнести производное к собственно эвалюативам. Данные междометия, развившиеся из форм существительных в письменный период истории русского языка, сохранили способность мотиваторов к образованию оценочных производных, однако деривационное значение аффикса у междометий несколько изменилось, ср.: *Мне доставляло удовольствие в свободную минутку взглянуть на безупречную текстуру* (Нов. мир, 2003, №3, 22) – эвалюатив *минутка* реализует ЛСВ₂ слова *минута*: “*Короткий промежуток, период времени; мгновение*” (Евгеньева 1981, 544), а суффикс *-к-*, с помощью которого образуется первичный эвалюатив, эксплицирует, прежде всего, ограничительную семантику.

Так называемые этикетные междометия, то есть используемые в сфере речевого этикета особые формулы приветствия, прощания, пожелания, благодарности (спасибо, до свидания, полно, пожалуй), академик В. В. Виноградов именует “*своеобразными экспрессивными (выделено нами) звуковыми жестами, которыми обмениваются соответственно общественному этикету знакомые или встречные в разных случаях жизни. В этих междометиях выражается сложная цепь бытовых эмоций (выделено нами) и обрядностей*” (Виноградов 1972, 757). В данном случае имеется в виду аксиологическое значение слов этой группы междометий, в пределах которого лексемы “*легко развивают вторичные (экспрессивно-эмоциональные) значения и употребляются в качестве средств выражения удивления, возражения, напр.: ‘Дверь отворилась, и здравствуйте, ... гляжу – мать царица! – входят к нам*

в комнату хозяин с хозяйкой и три работника' (А. П. Чехов)" (Ярцева 1990, 290). В то же время существует точка зрения, согласно которой "они существенно отличаются от собственно междометий, поскольку их употребление связано не с эмоциональной, а интеллектуальной сферой человеческого языка" (Распопов и Ломов 1984, 172). Поскольку "эмоциональность этикетных междометий обычно нейтрализована (выделено нами) предсказуемостью их употребления в коммуникативных ситуациях определенных типов (в речевых актах приветствия, прощания, благодарности и пр.)" (Лекант 2014, 323), это предполагает возможность/необходимость "восстановления" в речевом знаке личностного компонента (оценки), приносимого в том числе и аффиксами. Так, использование "речевой формулы прощания с пожеланием благополучия, которая употребляется при расставании" (Морковкин 2003, 333) – слова *счастливо*, содержащего аксиологическое позитивное значение, в форме *счастливенько* позволяет усилить экспрессию выражения.

К образованию субъективно-оценочных дериватов способны не все этикетные междометия. Это нельзя объяснить частотностью употребления, потому что, например, слова *спасибо* и *пожалуйста* имеют приблизительно равную частотность (соответственно 217 и 210) (Засорина 1977, 210), но слово *пожалуйста*, которое в "Словаре русского речевого этикета" определяется как "один из самых распространенных интенсификаторов вежливости при выражении просьбы, совета, приглашения, извинения, утешения" (Балакай 2001, 360), эвалюативных производных не имеет, а слово *спасибо* – образует. Это нельзя объяснить и разницей в семантическом диапазоне: оба слова могут в контексте приобретать негативное значение: "Молчал-молчал и вдруг, пожалуйста, высказался" (Морковкин 2003, 268), "Нет уж, спасибо! В больнице я уже лежала...!" (Морковкин 2003, 325). Вероятнее всего, это связано с тем, что лексема *спасибо* внешне напоминает несклоняемое существительное на -о (и может субстантивироваться), то есть слово грамматического разряда, продуктивного в плане эвалюативного словообразования.

Спасибо (разг.) – это "этикетное слово, с помощью которого говорящий в разговоре или в письме выражает кому-либо благодарность, признательность за что-либо даваемое, предоставляемое или данное, представленное" (Морковкин 2003, 325). "Словообразовательный словарь русского языка" А. Н. Тихонова приводит производные от слова *спасибо* – *спасибочко*, *спасибочка*, *спасибочки*, где словообразовательный суффикс -очк- "расширяется посредством финали -и" (Русская грамматика 1980, 413), -а, -о. "Подобное расширение экспрессивных суффиксов за счет финальной части характерно для неизменяемых слов" (Русская грамматика 1980, 413). "Русская грамматика" (1980) усматривает в этом случае аппликацию суффиксального морфа и конечного гласного основы, но в конкретном случае со словом *спасибо* можно предположить и усечение производящей основы, поскольку, субстантивируясь, слово начинает склоняться: "Из спасиба шубы не сошьёшь. Спасибом сыт не будешь" (Морковкин 200, 498), то есть конечное -о воспринимается как окончание существительных ср. р.: – "Спасибочко, покурил..." (М. Шолохов. Тихий Дон). Образование с финалью а, возможно, объясняется

грамматической аттракцией по роду со словом *благодарность*: – *Спасибочка всем вам за угосение и водку, а тебе, Куприяновна, низкий поклон* (М. Шолохов. Поднятая целина). В этом случае другое осмысление получает финаль *-и*, которая может ассоциироваться с окончанием формы мн.ч., то есть, если говорящий употребляет форму *спасибочки*: “*Ну как тут у вас?*” – “*Ой, спасибочки!*” – *бойко ответила самая молодая* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки), то имеюща ввиду “большое спасибо”, точнее, “много раз спасибо”. Это позволяет предположить, что в выражении эмотивного содержания принимает участие суффикс *-очк-*, а параметрический признак с семой ‘усиление’ эксплицирует грамматическая морфема. В целом же дериват характеризует как собственно эвалюатив.

Большинство же междометий, образующих оценочные производные, – по происхождению существительные, сохранившие способность к созданию дериватов с эвалюативной семантикой: – *До свидания!* – (Хор) *До свиданьица!* (М. А. Булгаков. Три застенка); – *Милости просим, доброго здоровьяца, Иван Васильевич. В аккурат к самоварчику!* (И. А. Бунин. В саду); “*Добрый вечерочек, Катрин,*” – *сказал он* (Т. Полякова. Барышня и хулиган); “*У, ты уже дома, – раздеваясь, бодрым голосом произносила Марина. – Приветик!*” (Нов. мир 2002, №12, 39). Гипокористическое значение суффиксов в приведенных словах актуализирует нейтрализованную семантику междометия. Такие производные с суффиксами субъективной оценки можно отнести к эмотивам.

Окказиональны в составе междометий эвалюативные образования от частей речи, для которых подобные дериваты – отступление от нормы. Так, междометие *агу* по происхождению является звукоподражанием (звуки, которые издает грудной ребенок). Звукоподражания, как известно, “*не выражают эмоций или побуждений, а представляют собой условное воспроизведение фонетическими средствами данного языка разного рода звучаний*” (Русский язык. Энциклопедия 1979, 87). “Словарь русского речевого этикета” А. Г. Балакай, описывая это междометие, отмечает: “*Ласк. обращение (выделено нами) к младенцу с целью привлечь его внимание, вызвать улыбку. Часто употребляется в сочетании с другими ласковыми обращениями: ‘моя рыбочка’, ‘мой птенчик’ и т.п. [Ребёнок] было разревелся, но словами: ‘Агу, агу, душенька’ и прищелкиванием пальцев [...] Чичикову удалось переманить его к себе на руки. Н. Гоголь. Мёртвые души*” (Балакай 2007, 22). Такое определение позволяет рассматривать междометие как наделенное аксиологическим мелиоративным значением, которое благодаря ласкательным суффиксам усиливается в производных *агунюшки*, *агусеньки*, *агушеньки*, получающих в этом случае статус эмотивов.

В ряде случаев неоднословное междометие становится оценочным в результате использования эвалюативной формы одного из его структурных компонентов: *Галина Ивановна (радостно): Ну слава тебе, Господи ты Боже мощьки!* (Нов. мир 2002, №3, 108). В приведенном примере употреблена ласкательная форма притяжательного местоимения (суффикс *-иньки-* апплицируется на конечный звук производящей основы), которое в своем исходном категориальном значении образования подобных форм не допускает.

Это усиливает экспрессию междометного выражения в целом, что позволяет рассматривать дериват как собственно эвалюатив.

Обращает внимание тот факт, что характерная черта междометий – способность к экспрессивной мимикрии – сохраняет и в оценочных дериватах. Контекст и соответствующая интонация могут нейтрализовать мелиоративную окраску слова, даже усиленную деривационным значением аффикса: – *Спасибочки, – потвердевшим голосом отказался от дара Федор Хатурин, и пальцы его папиросину уронили – на землю. – Мы уж как-нибудь своим добром обойдемся, оно и привычнее... забубнил он, и с каждым звуком голос его прибавлялся весельем, свирепеющим весельем. Мелькнул и застыл на мгновение взгляд – ненависть была в нем* (Нов. мир, 2003, №3, 42-43).

Следует отметить, что в словообразовательных парах, например, *спасибо* → *спасибочко*, *до свидание* → *до свиданьице*, *доброго здоровья* → *доброго здоровьица*, *добрый вечер* → *добрый вечерочек*, *привет* → *приветик* дериваты являются стилистически маркированными, что свидетельствует о стилистической функции эвалюативных суффиксов в разряде междометий.

Лексикографические издания последовательно сопровождают подобного рода дериваты пометами, например, “*Спасибочко. Спасибочки. Спасибочка. Прост. и обл., ласк.*”, “*До свиданьица. Прост., ласк.*”, “*Будьте добреньки. Прост., ласк., уст., разг. речь*”, “*Привет. Приветик. Разг.*”, “*Салют! Салюттик! Прост. Шутл*” (Балакай 2007, 372).

2.2. Способность местоимений русского языка к образованию оценочных дериватов

Специфичность местоимения как производящей базы для эвалюативов определяется категориальным значением этой части речи, призванной указывать, но не называть предмет, признак, количество. Теоретическим обоснованием возможности местоимений иметь оценочные производные является их грамматическая соотносительность с другими именными частями речи, способными к эвалюативному словообразованию.

Однако, видимо, в пределах грамматических разрядов местоимений есть ограничения семантического характера. Не могут образовывать эвалюативы личные местоимения и неопределенные. В современном русском языке мы не зафиксировали оценочных производных и от вопросительно-относительных местоимений, но в словаре В. Даля приводятся слова *сколичко*, *сколехонько*, *сколешенько*, одно из которых в примере *А сколичко ягодок набрала?* можно рассматривать как эвалюатив от вопросительного местоимения в кванторной функции (Даль 1981). Кванторная функция – указание на тип предметной отнесенности имени, то есть соотнесение имени с различными классами предметов и их признаков: с классом предметов или признаков, о которых говорящий хотел бы получить информацию от слушающего (*кто?*, *какой?*, *сколько?*), с классом неизвестных говорящему или слушающему (и поэтому неопределенных) предметов либо признаков (*кто-то*, *что-нибудь*).

Не образует эвалюативов возвратное местоимение *себя*, а вот иногда относимое к этому разряду местоимений сочетание *друг друга*, состоящее из повторяющихся субстантивов, допускает ласкательную форму второго: *Долго они не унимались, долго друг дружке шерсть трепали, не день и не два...* (Нов. мир 2003, №3, 19). Совершенно очевидно, что суффикс *-к-* не привносит в дериват гипокористической семантики, выполняя сугубо стилистическую функцию, что свидетельствует о модификации, подобной отношениям в парах *тетрадь – тетрадка*, *морковь – морковка*.

Притяжательные местоимения в норме эвалюативов не производят, однако в речи возможны окказиональные образования.

Из указательных местоимений к эвалюативной деривации способно лишь слово *такой* и только в речи: *И веришь, у них не заладилось. Бегунок. Такусенька штука...* *Тьфу!* – показывал он руками малое (Нов. мир 2003, №2, 81). Это производное описано в “Русской грамматике” (1980), где деривационное значение суффикса *-усеньк-* определяется как ‘очень маленький’ (Русская грамматика 1980, 300). В результате использования этого адъективного суффикса с производящей основой у деривата развивается ксеноденотатная семантика, поскольку у местоимения *такой* описаны только значения: “1. Именно этот, подобный данному или тому, о чём говорилось. Поступить таким образом. 2. Выражает сильную степень свойства, состояния или усиления оценки. Такая тоска на сердце!” (Евгеньева 1981, 1303), то есть слово не предназначено для указания параметрического признака. Контекстуальная компенсация осуществляется описанием невербального средства передачи данного значения: *показывал он руками малое*. На деривационном уровне то же значение выражается посредством суффикса *-усеньк-* в *такусенькая* и *-к-* в *штучке*. Сочетание деривата *такусенька* со словом *штучка* можно считать избыточным в плане выражения размерного значения деривационными средствами, но указанные аффиксы в сочетании выражают и определенные эмоции: недоумение, раздражение (экспликация в тексте словом *тьфу!*), наделяя все высказывание определенной экспрессией; следовательно, дериват *такусенькая* квалифицируема как собственно эвалюатив. Следует заметить, что в разговорной речи встречается образование *такенный*, тоже с актуализированным параметрическим признаком. Нерегулярность образования привела к тому, что данная словоформа реализует свое значение только в устойчивом сочетании *вот такенный* + невербальное выражение размера. Аналогичное значение имеет фиксируемый Н. З. Котеловой эвалюатив *какусенький*: *А потом вспоминают: “Какусенькой была несколько месяцев назад эта машина”* (Котелова 1981, 90).

Аксиологическое пейоративное значение приобретает производное от слова *такой*, образованное способом гендиадис: *Повтори, говорю, повтори, такой-сякой, что ты сделал!* (А. П. Чехов. Унтер офицер). Гендиадисом называется окказиональная разновидность сложения, заключающаяся в рифмовке составляющих компонентов (Изотов 1998, 48).

Этот дериват представляет собой разновидность рифмованного сложения “знаменательное слово + отзвук”. “Отзвучными” В. П. Изотов называет слова “не имеющие самостоятельного значения ни в составе РС, ни как

отдельные единицы” (Изотов 1998, 49). Слово *сякой* как самостоятельная лексема не употребляется, встречаясь только в составе производного *такой-сякой* (Евгеньева 1981, 1301), значение которого определяется “*Шутл. Нехороший во всех отношениях*” (Евгеньева 1981, 1303). В “Объяснительном словаре...” В. В. Морковкина находим: “*Такой* → *такой-сякой* (мест. шутл.). Употребляется вместо перечисления *отрицательных оценочных* (выделено нами) слов, бранных характеристик”, что дает основание относить его к эмотивам с пейоративным аксиологическим значением. В. П. Изотов подчеркивает, что “*дополнительный ‘рифменный’ смысл все же сказывается, и эта разновидность РС становится более выразительной в плане экспрессивности и эмоциональности, чем при собственно сложении*” (Изотов 1998, 49).

Литературный язык не предполагает оценочных образований от определенных местоимений в силу того, что они указывают на обобщенный признак предмета.

Как известно, лексема *самый* используется как вспомогательное слово при образовании аналитической формы суперлатива прилагательного, то есть для выражения значения данного признака в максимальном его проявлении в данном предмете по сравнению с другими предметами. Общепринятая, высокочастотная форма выражения максимального значения утрачивает экспрессию, и ее актуализация на уровне речи иногда осуществляется использованием оценочных новообразований: *Нам хочется всегда одного. Саменького сладенького* (Д. Вересаев. Черный ворон). В слове *сладенький* суффикс *-еньк-* выполняет усилительную функцию (Евгеньева 1999, 1206), что актуализирует такое же значение у этого суффикса в окказиональном деривате *саменького*. Интенсификация признака направлена на усиление экспрессии, поэтому такое производное можно рассматривать как собственно эвалюатив.

От отрицательных местоимений *никого, ничего* в форме Р. п. могут образовываться эвалюативы при помощи морфов *-охоньки/-ошеньки*: *Я ничегошеньки не поняла, то есть не поняла, что он имел в виду* (Т. Полякова Барышня и хулиган).

“Словарные материалы-77” Н. З. Котеловой фиксируют эвалюативное образование от отрицательного местоименного прилагательного *никакой*. “*(никакошенький). А очередь? Никакошенькой!*” (Котелова 1977, 92).

“Русская грамматика” (1980) рассматривает такие образования как “*преимущественно несущие экспрессию ласкательности*” (Русская грамматика 1980, 413). На наш взгляд, поскольку дериваты образованы от местоимений в кванторной функции, в данном случае имеют место интенсивы, указывающие на максимальную степень охвата описываемого понятия: *ничегошеньки не поняла* 1 *абсолютно ничего не поняла*; *никакошенькая* 1 *абсолютно никакая*. Если говорить об эмоциях, возникающих у говорящего, то это в первом случае, скорее, раздражение, досада, то есть в целом негативные чувства: *Ты мне сестра и в таком деле просто обязана помочь, тем более, что для тебя это ничегошеньки не стоит* (Т. Полякова. Барышня и хулиган). Во втором – удовлетворение, то есть положительные чу-

вства. Поскольку производные оценочные слова, от которых они образованы, имеют общую предметно-понятийную соотнесенность, то в тексте они нередко используются как синонимы. Для эвалюативных образований характерны обе функции синонимов, замещение и уточнение. Производное и производящее в этой паре свободно заменяют друг друга, причем их последовательность в тексте может быть любой, если говорящий стремится передать только эмоции (в этом случае они выступают как синонимы стилистические), если же в коммуникативную задачу входит и демонстрация интенсивности, то эвалюатив должен быть на втором месте: *А главное ничего не помню, ничегошеньки, хоть убей* (Т. Полякова) – синонимический ряд *ничего – ничегошеньки – хоть убей* демонстрирует нарастание интенсификации.

2.3. Частицы русского языка в плане порождения оценочных дериватов

Термин “частица” используется нами в узком смысле этого слова, то есть под частицами мы, вслед за В. В. Виноградовым, понимаем *“классы таких слов, которые обычно не имеют вполне самостоятельного реального или материального значения, а вносят главным образом дополнительные оттенки в значения других слов, групп слов, предложений или служат для выражения разного рода грамматических (а следовательно, и логических, и экспрессивных) отношений. Лексические значения этих слов совпадают с их грамматическими, логическими или экспрессивно-стилистическими функциями”* (Виноградов 1972, 663).

То, что экспрессивно-стилистическая функция является категориально свойственной частицам, снижает их возможности выражать оценку деривационными средствами. Немногочисленные примеры департикулятивных эвалюативов свидетельствуют о специфичности такого рода образований в плане деривационного значения эвалюативного суффикса.

Как известно, существуют различные по степени детализации классификации частиц, но так или иначе выделяют модальные и амодальные частицы. Из модальных частиц только вопросительная частица *а*, а также просторечные и диалектные варианты этой частицы *ай*, *ась* образуют эмоционально окрашенные производные, формирующие значительную по объему парадигму: *а, ай → аинька, аиньки, аюшка, аюшки, ая; ась → асенька (асинька), асеньки, асенько (асинько), асечки (асички), асетко (аситько), ас-юшка, асе, асё, аси, ася* (Балакай 2007). В результате морфного анализа кодериватов выделяются аффиксы и их варианты: *-еньки, -енька, -енько, -иньки, -инька, -инько, -юшки, -юшка, -ечки, -ички*. Финали *-етко, -итько, -е, -ё, -и, -я* следует рассматривать как структурные элементы дериватов, функционирующие исключительно в языковой подсистеме (в диалектах) и учитывать, только чтобы составить общее представление о средствах передачи эмотивной семантики в производных от слов данной части речи.

Специфика анализируемых производных состоит в том, что суффикс передает либо позитивное отношение адресанта к адресату (в “Словаре

русского речевого этикета” А. Г. Балакай отмечено: “*Аинька. Аиньки. Аюшка. Аюшки. Обл. Ласковый, приветл. Ответ, часе на обрасение детей*” (Балакай 2007, 22)), что свойственно и отмеждоментным эвалюативам, либо передает общее эмоциональное состояние говорящего: – *Аюшки? – беззаботно отозвался старичок, подъехавший на бочке к воротам и с трудом, согнувшись в три погибели, поднимавший тесину* (И. А. Бунин. Лирник Родион).

К разряду отрицательных частиц, безусловно, относятся частица *ни*, не способная к словопроизводству, и частица *не*, словообразовательные потенции которой ограничиваются образованием неоценочных глаголов. В функции частицы может выступать слово *нет*, от которого образуются стилемаркированные *нету* (разг.) и *нетути* (обл.), зафиксированные “Словообразовательным словарем русского языка” А. Н. Тихонова. Кроме того, в разговорной речи встречается образование *нетушки* (Тихонов 2002). Мотиватор *нет* может использоваться как частица иной семантики, но это производное мотивируется только отрицательной частицей в значении “*употребляется как отрицательный ответ на вопрос или как выражение несогласия*” (Евгеньева 1981, 484). Дериват допустим в беседе равных по положению и возрасту людей или в разговоре с ребенком, что свидетельствует о стилевой маркированности лексемы, особой стилистической окраски у слова *нет*, но формант *-ушки* усиливает основную семантику мотиватора, что позволяет квалифицировать производное как экспрессив. Например, разговор между коллегами: – *Тебе поручили проводить олимпиаду среди студентов. – Нетушки, я два года этим занималась, пусть кто-нибудь еще поработает* или диалог с ребенком: (в ответ на замечание матери о необходимости идти спать) – *Мам, еще 5 минут...* – *Нетушки, ты еще полчаса назад должен был быть в постели.*

К эвалюативам (интенсивам) относится и оценочный дериват, образованный от амодальной выделительно-ограничительной частицы *всего* путем редупликации основы с префиксацией второй части, например, *всего-навсего*. В “Объяснительном словаре” В. Морковкина отмечается: “*Всего* → *всего-навсего* (част. разг.) 1.0. *Употребляется для указания на то, что приведенное количество оценивается говорящим как очень маленькое, совершенно незначительное (выделено нами). Ему всего-навсего семь лет. 1.1. Употребляется для указания на то, что названный статус оценивается говорящим как очень низкий для чего-то (выделено нами): Что вы от него хотите – он же всего-навсего курьер*” (Морковкин 2003, 74).

Как известно, в функции частиц могут использоваться слова других частей речи. Так, местоименное прилагательное *самый* в определительно-уточняющем значении (*в самый праздник, в самое сердце*) допускает образование эвалюативных дериватов, что подтверждается примерами из устной речи: *А сваха моя умерла в самюсенький праздник, трудно было со справками; Да как бы он выжил, если ему в самюсенькое сердце...* В этом случае стилистически маркированные дериваты актуализируют параметрический признак определяемых слов (*праздник* имеет определенные временные границы, *сердце* имеет определенный размер) и являются интенсивами.

3. Заключение

Анализ структурных слов свидетельствует, что не способны образовывать эвалюативы ни посредством аффиксальных способов, ни способом сложения определенно-количественные и собирательные числительные, союзы, предлоги, связочные глаголы, модальные слова (от последних возможны окказиональные образования с синкретичной семантикой). Продуктивность междометий в сфере эвалюативного словообразования определяется их лексико-грамматическими особенностями. Большую активность в данном плане проявляют эмоциональные междометия. При этом аксиологическое значение междометия может не только актуализироваться с помощью эвалюативного суффикса, но и корректироваться. Оценочные отмеждометные эвалюативы могут квалифицироваться как интенсивы (в разновидности квалитатив), эмотивы. Специфической особенностью эвалюативного суффикса *-очк-* в эмоциональных междометиях является то, что он передает не позитивное отношение к тому, что названо производящей основой, а усиление эмоции, которая выражена междометием. Характерным способом образования отмеждометных эвалюативов является графикация, а также сложение. Императивные междометия менее продуктивны в создании эмотивных дериватов. Отдельные образования возможны от слов, служащих для общения с животными. Имеют эвалюативные дериваты некоторые коннотативно-эмоциональные междометия. Такие производные квалифицируются как эмотивы и собственно эвалюативы. Не все этикетные междометия способны к образованию субъективно-оценочных дериватов. Те, которые обладают такой способностью, производят экспрессивы и собственно эвалюативы. Окказиональны в составе междометий эвалюативные образования от частей речи, для которых подобные дериваты – оцупление от нормы, например, звукоподражания (производное – интенсив), местоимения (дериват – собственно эвалюатив). Характерная черта междометий – способность к экспрессивной мимикрии – сохраняется и в оценочных дериватах. Эвалюативные производные от междометий, подобно мотиваторам, ограничены в сфере употребления рамками разговорной речи, используются в художественной литературе (чаще в диалогах), в фольклоре, следовательно, в разряде междометий эвалюативные суффиксы выполняют стилистическую функцию. Способность к образованию эвалюативов у местоимений также определяется отнесенностью к тому или иному лексико-грамматическому разряду. В русском литературном языке не могут образовывать эвалюативы личные, неопределенные, притяжательные, возвратное *себя*, вопросительно-относительные местоимения. В речи возможны оценочные дериваты от указательного местоимения *такой* (производные – эмотивы, собственно эвалюативы), окказионально образование от определительного *самый* (дериват – собственно эвалюатив).

Производные от отрицательных местоимений *никого*, *ничего*, *никакой* могут быть эмотивами или собственно эвалюативами. При образовании отместоименных эвалюативов использующая суффиксы *-к-*, *-усеньк-*, *-охоньки/-ошеньки*. Специфичным способом образования оценочных производных от

местоимений являясь гендиадис. Из модальных частиц только вопросительная частица *а* (*ай, ась*), образуют эмоционально окрашенные производные с помощью аффиксов и их вариантов: *-еньки, -енька, -енько, -иньки, -инька, -инько, -юшки, -юшка, -ечки, -ички*. Финали *-етко, -итько, -е, -ё, -и, -я* функционируют исключительно в языковой подсистеме (в диалектах). Специфика анализируемых производных состоит в том, что они могут демонстрировать не только позитивное отношение адресанта к адресату, что свойственно и отмеждоментным эвалюативам, но передают общее эмоциональное состояние говорящего. Из отрицательных частиц только слово *нет* образует экспрессивы (аффиксы *-ушки, -ути*). От амодальной выделительно-ограничительной частицы *всего* путем редупликации основы с префиксацией второй части образуется интенсив *всего-навсего*. Образование эвалюативных дериватов в речи допускает функционирующее в роли частицы местоименное прилагательное *самый* в определительно-уточняющем значении. В этом случае стилистически маркированные дериваты являются интенсивами.

Литература

- БАЛАКАЙ, Анатолий (2007): *Словарь русского речевого этикета*. Москва: АСТ. – Пресс.
- ВИНОГРАДОВ, Виктор (1972): *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. Москва: Высшая школа.
- ДАЛЬ, Владимир (1981): *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4-х т. Москва: Русский язык.
- ЕВГЕНЬЕВА, Анастасия (1999): *Словарь русского языка*. В 4-х т. Москва: Русский язык.
- ЗАСОРИНА, Лидия (1977): *Частотный словарь русского языка*. Москва: Русский язык.
- ИВАНОВА, Людмила (1995): *Методы лингвистических исследований*. Киев: ИСДО.
- ИЗОТОВ, Владимир (1998): *Параметры описания системы способов русского словообразования. Монография*. Орел: Орловский государственный университет.
- КЛОБУКОВ, Евгений (2014): Междометие. В: Лекант, Павел (ред.): *Современный русский язык: Учебник для бакалавров*. Москва: Юрайт. с. 321–323.
- КОСМЕДА, Татьяна (200): *Аксіологічні аспекти прагмалінгвістики: формування і розвиток категорії оцінки*. Львів: ЛНУ імені Івана Франка.
- КОТЕЛОВА, Надежда (1981, 1982, 1986): *Новое в русской лексике. Словарные материалы*. Москва: Русский язык.
- КУЗНЕЦОВ, Сергей (2003): *Большой толковый словарь русского языка*. СПб.: Норинт.
- МОРКОВКИН, Валерий (2002): *Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы*. Москва: АСТ.
- РАСПОПОВ, Игорь и ЛОМОВ, Анатолий (1984): *Основы русской грамматики. Морфология и синтаксис. Учебное пособие*. Воронеж: ВГУ.

Русская грамматика (1980): ч. 1. Москва: Наука.

ТИХОНОВ, Александр (2002): *Морфемно-орфографический словарь*. Москва: АСТ.

ЯРЦЕВА, Виктория (1990): *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: Советская Энциклопедия.

Источники

Новый мир (2002), №11, с. 84.

Новый мир (2002), №12, с. 39.

Новый мир (2002), №3, с. 108.

Новый мир (2003), №10, с. 17.

Новый мир (2003), №2, с. 81.

Новый мир (2003), №3, с. 120.

Новый мир (2003), №3, с. 17.

Новый мир (2003), №3, с. 19.

SUMMARY

At present, the peculiarity of the evaluation category's appearance on the word-formation level remains an issue that has yet to be studied sufficiently. Works of research dedicated to the description of evaluative derivatives usually study nouns, adjectives and sometimes adverbs without paying attention to the research of verbs and structure words. However, the analysis of the material proves their existence and presence in the language. The purpose of the presented study is to analyse the derivative and evaluative semantics of structure words. To achieve this aim, the following tasks need to be solved: to identify the ability and inability of structure words (pronouns, numerals, prepositions, conjunctions, particles, interjections, parenthetical words etc.) to form evaluative derivatives; to classify the evaluative derivatives by examining the ways in which they are derived; and to describe the affixes used while creating the analyzed motivating units.

As a universally accepted definition of the derivative meaning of evaluation has not yet been provided (in contrast to axiological evaluation in lexicology), we have found it necessary to use the term "evaluation unit".

The analysis of the structure of words proves that the evaluative units cannot be formed through affixation by means of combining definite-quantitative and collective numerals, conjunctions, prepositions, linking and modal verbs (the latter can be the source of some occasional derivatives with syncretic semantics).

*The productivity of interjections in the sphere of evaluative word building is characterized by their lexical and grammatical peculiarities. More activity in this context is seen in emotional interjections. The axiological meaning in this case may not only be made relevant with the help of an evaluative suffix; it may also be corrected. Evaluative particles in the role of evaluative units may be characterized as intensive units (a special kind of qualitative unit) and emotional units. The specific peculiarity of the evaluative suffix *-очк-* in emotional interjections lies in its transferring of a not-positive relationship to what is called the derived stem but intensifies emotions expressed by interjections. A characteristic method of formation of interjection-based evaluative units is graphication, as well as composing. Imperative interjections are less productive in emotive derivative formation. Special derivations are possible from words that are used for communication with animals. Some connotative emotional interjections can have evaluated derivatives. Such derivatives can be classified as emotive units and evaluative units as well. Not all applied interjections are able to form subjective evaluative derivatives; those that are capable*

of this function derive expressive units and evaluative units as well. Evaluative derivatives are occasional in the interjection structure and are built from parts of speech; for them, this kind of derivative is not normal – for example, onomatopoeia (the derivative unit here is an intensive unit) or pronouns (the derivative unit here is actually an evaluative unit). A characteristic peculiarity of some interjections is the possibility of expressive mimicry, which is also preserved in evaluative derivatives. Evaluative derivatives from interjections, such as motivators, are restricted in the usage sphere of the spoken language and are used in written works of fine art (mostly in dialogues), in folklore, as a result of adjectivised suffixes, and fulfill a stylistic function. The ability to form evaluative units from interjections is also determined by the connection to one or the other lexical and grammatical category. In Russian literary language, personal evaluative units, non-defined evaluative units, possessive evaluative units, reflexive pronouns, and interrogative-relative pronouns cannot be formed. Evaluative derivatives, which are formed from demonstrative pronouns, are possible in speech (these are derived evaluative units and proper evaluative units, occasional developments and derivatives that are evaluative units by themselves). Derivative pronouns, formed from negation pronouns «никого, ничего», can neither be emotive units nor evaluative units. While forming the pronounceable evaluative units, suffixes -к-, -ушеньк-, -охоньки/-ошеньки are used. Gendiasys is a specific way of building the evaluative derivatives from pronouns. If we have a look at some modal particles we will see, that only the question parts «а (ај, ась)» build emotionally colored derivatives with the help of affixes and their variants «-еньки, -енька, -енько, -иньки, -инька, -инько, -јушки, -јушка, -ечки, -ички». Parts «Финали -етко, -итько, -е, -ё, -и, -я» could be obtained only in the speech subsystem or in dialects. The specific element of the analyzed derivatives is that they may demonstrate the positive attitude of the addresser to the addressee. Furthermore, it is actually specific to adjectivised evaluative units to show the emotional state of the speaker. In terms of negative particles only the word «нет» develops expressive units (affixes -ушки, -уми). From the modal demonstrative and restrictive second particles with the help of root reduplication the intensive unit «всего-навсего» is formed. The formation of evaluative derivatives in speech makes it possible for the pronominal adjective «самый» to function as a particle with a demonstrative and specifying meaning. In this case, stylistically marked derivatives are used as intensive units.